

Вся биография Максимилиана Волошина, вместе с творческим наследием, особенно его цикл стихов о России и поэма «Путями Каина», стоит особняком не только в истории русской культуры, но и в истории всей мировой культуры вообще. Творчество поэта, его мирозерцание, столь пронзительно по времени и пространству, столь космически гармонично по сложению и сочетанию частей, что не оставляет сомнения об истинной посвящённости «Зевса Киммерии» в тайны Сокровенного Знания.

Ницшеанец и денди, первый русский певец «алмазных рун» и «огненных свастика», «вселенских бурь» и «полярной преисподней», он встал на одну ступень с Николаем Гумилёвым по спиритуальной чуткости к Слову. Впрочем, как-то они стояли рядом буквально, перед одним барьером на дуэли. Этот бездарный пистолетный поединок двух великих людей случился только потому, что сии достойнейшие мужи поссорились из-за Черубины де Габриак – горбатой хромоножки, взбудоражившей весь литературный Петербург своими эпатажными стихами.

У Волошина так дрожали руки, что выстрел осёкся и пистолет выпал из рук в снег. Н. Гумилев – рафинированный дворянин, строгий подтянутый офицер, дважды георгиевский кавалер, видя такого «соперника», от презрения выстрелил в воздух, быстро удалившись с места ристалища. Уронённый пистолет Волошина отрыли в снегу, а потерянная калоша так и осталась навсегда у Чёрной речки. После этого Николай Гумилёв ещё более утвердился в своём высокомерии по отношению к «коктебельскому поэту», а Макса Волошина стали называть «Ваксом Галошиным».

Вот такая история. Даже олимпийцы-небожители попадали, бывало, в дурацкие ситуации в своих, не всегда удачных, любовных похождениях. Почитайте греческую мифологию. Но величие великих не умаляется ничем.

Предоставим слово даме. Тем более что дама эта – Марина Цветаева – оставила нам умный и проницательный очерк о «киммерийском отшельнике»: «Пишу и вижу: голова Зевеса, а на дремучих, невероятного завива кудрях узенький полынный веночек, насущная необходимость, принимаемая дураками за стилизацию, равно как его белый парусиновый балахон, о котором так долго и жарко спорили (особенно женщины), есть или нет под ним штаны».

---

¹ Данный очерк родился под впечатлением работ выдающегося критика-волошиноведа Владимира Рулёва. Здесь цитаты из его статей.

Они были знакомы заочно, ещё до первой встречи в мае 1911 года. Ещё раньше «Макс подарил своей Марине» собственный (самый первый) сборник стихов «Вечерний альбом». И тут же от Марины получил в ответ большое стихотворение, заканчивающееся такой строфой:

Кто Вам дал такую яркость красок?
Кто Вам дал такую ясность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга – это весть «оттуда»,
Утренняя благодатная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: «Чудо есть!»

«Неутомимый ходок. Ненасытный ходок. Сколько раз – он и я – по звенящим от засухи тропкам, или вовсе без тропок, по хребтам, без помощи рук, с камнем во рту (говорят, отбивает жажду, но жажду беседы он у нас не отбивал), итак, с камнем во рту... как только свидевшиеся друзья – в непрерывности беседы и ходьбы – часами – летами – всё вверх. Пот лил и высыхал, нет, высыхал, не успев пролиться, беседа не пересыхала – он был неутомимый собеседник, то есть тот же ходок по дорогам мысли и слова...»

Ему уже тридцать четыре, а ей только восемнадцать. Подружились мгновенно. Позже М. Цветаева напишет в одном из своих писем: «М. Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта». Согласитесь, – дорогого стоит. А ещё намного позже, уже после смерти поэта, в 1932 году, «своему вечному другу и поэтическому собрату» воздаст должное – напишет лучший очерк воспоминаний про М. А. Волошина «Живое о живом». Фразы там порой рваные, жёсткие, хлёсткие, но всегда меткие, безошибочные, как и сама Марина: «Творчество Волошина – плотное, весомое, почти что творчество самой материи, с силами, не нисходящими свыше, а подаваемые той – мало насквозь прогретой, – сожжённой, сухой, как кремень, землёй, по которой он так много ходил и под которой теперь лежит...»

Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли. Раскрылась земля и породила: такого, совсем готового, огромного гнома, дремучего великана, немножко быка, немножко бога, на коренастых, точёных, как кегли, как сталь упругих, как столбы устойчивых ногах, с аквамарином вместо глаз, с дремучим лесом вместо волос, со всеми морскими и земными солями в крови, со всем, что внутри земли кипело и остыло, кипело и остыло.

Нутро Макса, чувствовалось, было именно нутром земли...»

Отношения М. Волошина и М. Цветаевой заслуживают отображения в отдельных книгах. Только один их совместный поход (будто бы тайный) на гору Святая в Кара-Даге, где юная Марина «почувствовала весь мир», – до сих пор питает целую романную литературу (бульварную тоже, к сожалению). Но мы сейчас говорим конкретно о коктейльском поэте.

Так вот, тупые монархисты-либералы совершенно не воспринимали национальную эстетику Волошина, а ещё более тупые коммунисты его просто «запрещали». Европеизированные литературоведы погружали волошинские стихи в свои бесконечные «анализы», где не было уже видно ничего. Но вершина безысходной тупости – это свои собственные нацпатриоты: от патриотов царя Гороха до доморощенных совпатриотов – уличают поэта в масонстве.

Как-то в бурные годы ещё советской (горбачёвской) перестройки по телевидению был показан документальный фильм «Мистика Волошина», где какой-то сморчок из породы нео-окультистов, расплодившихся как тараканы в давно неприбранном доме, изо всех сил пыжился-тужился, чтобы пристегнуть Поэта к своей теософии.

Даже была попытка причислить М. Волошина к ортодоксальному христианству, ссылаясь на то, что какие-то горе-паломники выложили из камней крест, как у православных, на Могиле Поэта (гора Кучук-Енишар) в Коктебеле.

Сам Волошин бывал на лекциях Рудольфа Штайнера и даже немного поучаствовал в строительстве его «храма» в Дорнахе (Швейцария), но очень быстро и без сожаления покинул их. Антропософов он назвал «несчастливыми людьми, изнасилованными истинами». Сам же Макс был гораздо ближе к традиционному эзотерическому пути. Штайнеровский «храм» же часто горел в пожарах, а потом его окончательно взорвали нацисты. А дом М. Волошина в Коктебеле эти самые нацисты, говорят, отремонтировали.

Ну а сегодня в Коктебеле, в Доме Поэта, тусуется в основном всякая интеллигентская литературная нечисть, бывшие «советские писатели», очень серьёзно предполагающие, что у них есть поэтическое будущее и что народ только и делает, что дожидается выхода в свет их «шедеврических» мемуаразов. Хоть «бывшие», хоть «нынешние» – разница невелика, и весь этот «коктебельский богемствующий тусняк» на 90 % состоит как раз из таких. Но, слава богу, есть ещё спасительные 10 %, что очень даже неплохо для нашего развращённого времени, где направо и налево попираются законы и мораль и где кажется, будто «всё разрешено всем». В особенности летний Коктебель – яркое тому свидетельство.

А в 1910–1920-х годах здесь была «колония обормотов». Из Москвы, Питера и других «столиц» сюда съезжались на лето молодые негодяи, постоянно замышлявшие всякие литературные озорства и провокации (нелитературные тоже). Опрокидывание лодки с пассажирами в Бухтах-Барахтах, общие купания безо всякой одежды (неслыханная тогда вольность и одновременно вызов всем приличиям в обществе), обширные и продолжительные возлияния вина в «Бубнах» всей обормотской компанией, где сочинялись издевательские эпиграммы на литературные авторитеты, – вот только самые безобидные шалости этих больших детей по отношению к взрослым «олимпийцам» (так «обормоты» обзывали тогдашних общественных авторитетов и литературно-политических светил).

«Существование этих “олимпийцев” казалось лишённым всякого интереса, все движения их были несвободны и медленны, а привычки однообразны и бессмысленны. Они были слепы ко всему, чего не видно. Они ничего не знали об индейцах, ничуть не беспокоились о бизонах и пиратах (с пистолетами!), хотя всё кругом было полно мрачных предзнаменований. Они не любили разыскивать пещер разбойников и искать кладов.

Мы всегда недоумевали, когда “олимпийцы” говорили при нас, например, за столом, о разных политических и общественных пустяках, воображая, что эти бледные призраки действительно тоже имели какое-нибудь значение в жизни. Мы же, посвящённые, ели молча; головы наши были переполнены новыми планами и заговорами; мы бы могли сказать им, что такое настоящая жизнь!» (М. Волошин. Откровения детских игр).

Очутившись в Париже, молодой Волошин быстро реализовал себя как один из самых тонких эстетов и знатоков искусства начала века. А его лирика (например, «Облики») исполнена прямо-таки бодлеровской изысканностью и красочностью. Поэт пишет статьи о поэзии, живописи, скульптуре, архитектуре и театре. Валерий Брюсов заметил, что Волошин берётся за перо только тогда, когда «ему есть сказать нечто новое и необычное». То, о чём он пишет (живопись, литература, архитектура), является областью проявления его таланта с конкретными результатами в реальной жизни.

Но в «столице Европы» Волошину становится тесно:

Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным заревом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.

Эти «суровые скалы» поэт обретает в древней мифической земле, обожжённой жарким солнцем и ночными штормами.

По растрескавшимся степям коричнево-красной земли летели дикие скифские орды, неся весть о победе и приходе пылающего времени Золотого Века.

Оранжевая, горячая земля волошинских акварелей рождена как раз именно этим жарким огнём:

Дети солнечно-рыжего мёда
и коричнево-красной земли –
мы сквозь смерть во плоти проросли,
и огню наша сродни природа.

Назвал эту землю поэт – Киммерией.

И название выбрано далеко не случайно, среди множества других славных имён, которые эта легендарная земля носила в разные исторические периоды своего существования. Это совершенно отдельная тема, которую мы постарались развить в другой работе («Тавры и Русь. Летописные сиверы, индийские сувиры и киммерийцы. Пути к разгадке»). Всех интересующихся именно таким аспектом проблемы отсылаем к этой небольшой статье.

Максимилиан Александрович в своих поэтических и интеллектуальных исканиях прошёл непростой путь, верно угадав свою цель как раз в этой земле, на берегу Чёрного моря.

Именно здесь, над жерлом Кара-Дага, в вулканическом грохоте, шла космическая битва гипербореи с гондваническими существами. Киммерия – это не сама Гиперборея, а только близкое к нам её земное воплощение:

Здесь рухнул смерч вселенских «Нет» и «Да».

Солнечные посланцы “Corona Astralis” сражались здесь со «стадами Эмпуз» из лунного “Mare Tenebrarum”, со «всем смертным», усталым, больным, ползучим, сочащимся в гное, пахучим как сок белены»:

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось через мятеж.

Поэтическое чутьё не подвело М. Волошина: только сейчас наука начинает потихоньку распутывать сложный клубок легенд карадагского цикла, этих настоящих «рукописей, которые не горят». Вырисовывается, таким образом, грандиозное историческое полотно, куда вплетены жуткие по своему напряжению, поистине вселенские, битвы между солнце- и лунопоклонниками:

На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.

Кара-Даг, как нервная клетка – узел тела Понта, фокусом своим отражает эту древнейшую и вечную войну разных культов-цивилизаций всего Причерноморья. Большие Потопы только на время прерывали эти войны.

Отголоски их накрепко засели в генетической памяти более половины народов земного шара (индо-европейская языковая семья), а киммерийская земля сохраняет эту информацию и энергетику, несмотря на «провалы беспамятства»:

Моя земля хранит покой,
Как лик иконы измождённый,
Здесь каждый след сожжён тоской,
Здесь каждый холм – порыв стеснённый.

Огромный массив информации, особо ценный в деле распутывания карадагского «клубка легенд», дающий возможность обозреть практически всю картину «кипящего котла народов» всего Северного Причерноморья (Северной Припонтиды), начиная ещё до Эпохи Аргонавтов, содержится в «Легенде о Кара-Даге» (в знаменитом сборнике Н. А. Маркса «Ялыбогаский камень, отузская легенда») и «Сказании о Храме Золотой Колыбели», где объясняется образование «Мёртвого Города» и бухты Сердоликовой (бывшей бухты Счастья).

Это всё отголоски тех самых вселенских битв и напряжённого влияния религиозных культов, следствие их реформаций. Следы сих событий надёжно «упакованы» в ономастике всего Причерноморья. Карадагская топонимика изобилует такими знаками: это «гора Святая», «Чёртовы Врата», «Вход в Аид», «Меч Хрисаора», «Чёртов Палец» (или «Чёрный Ангел»), «Калиера», «Скала Куш», «Чёрная Лестница» и т. д. и т. п. Но особенно это выясняется из карадагских легенд и мифов.

Красавица Эльбис убивает одноглазого великана стрелой с ещё каменным наконечником, а её возлюбленный жених служит при ней всего лишь парламентёром для переговоров с врагом (амазонский матриархат!). А больше всего эти жуткие «драки народов» во времена скончания Золотого Века видятся в сказании «Тайна Храма Золотой Колыбели» и происхождении-образовании «Мёртвого Города» и бухты Сердоликовой, которая тогда ещё называлась бухтой Счастья. Сказание говорит о великой Любви и великом же Предательстве, погубившем это чувство, и как раз здесь надо искать ключи к величайшей исторической загадке: внезапное и «всеобъемлющее» исчезновение единственно коренного крымского народа этой «волшебной страны» навсегда, в никуда. Ещё сам «отец истории» Геродот мучился этим вопросом, вместе с другими греками, да и римлянами. Все они жили бок-о-бок с этим народом на одном «тесном острове в три дня пути» (современный Крым) более ТЫСЯЧИ лет (!!!), но так и не смогли его понять, принять и, что называется, войти в контакт, только обозвав таврами, варварами, признав за ними исконность культа Девы, но не поняв в этом культе ровным счётом ничего.

Именно этот некогда великий и могучий народ оставался последним и верным хранителем настоящей Традиции уходящего Золотого Века и культуры Мегалитов, утраченной как будто навсегда. Греко-Римская цивилизация, не сумев дотянуться до таких высочайших культурных вершин, озлобась от этого, в своей бессильной ненависти презрительно обозвала их варварами и, оклеветав, предала забвению.

Такие же «высокоразвитые цивилизаторы»: белые европейцы, работорговцы-пираты и уголовники всех мастей, осваивая американский континент, презирали коренных жителей, отбирая их земли, называя краснокожими («Только мёртвый индеец хорош»). Но полного истребления всё же не было. И мы сейчас знаем достаточно об этом благородном свободолюбивом народе, не признающем рабства. Знаем их родной язык и самоназвания. Но с таврами в Крыму дело обстоит значительно хуже. Греко-римляне, в своей злобе, подвергли их забвению, а то, что не удалось «закрыть», – цинично оклеветали. Вот такое «наследие» оставили нам «цивилизованные» греки и римляне. Вот какую культуру они несли в этот мир. Было много хорошего в этой исторической миссии, но ведь было много и плохого. М. А. Волошин об этом знал, эти «проклятые» вопросы мучили и его:

...доселе грезят берега мои
смолёные ахейские ладьи
и мёртвых кличет голос Одиссея,
и киммерийская глухая мгла
на всех путях и долах залегла,
провалами беспамятства темнея.

Но ИСТИНА НЕУНИЧТОЖИМА. Это совершенно особый метафизический, космический закон: истина охраняет самоё себя и неизменно проявляется в нужное время и в нужном месте. И об этом также знал Великий Поэт:

Наш Путь ведёт к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных рощ
Раин и ив, где папоротник, хвощ и
Чёрный тис одели леса склоны.
Туда идём, к закатам давних дней,
Во сретенье тоскующих теней...

Нордический, гиперборейский Север – это Огонь и Лёд в их невозможном сочетании, под землёй Киммерии этот огонь незримо горит; и здесь:

Нагромоздили арийские расы
Улья осиных разбойничьих гнёзд.

Север – это «магический мир героев», Юг – их взаимно погашает, это царство человеческой посредственности. Волошинская Киммерия – это Россия. Только та Россия, которая пробуждается в войне или в революции. Только внутренний гражданский конфликт соединяет огонь и лёд в их чистом виде, как Энтузиазм и Презрение в политике.

«Силы эти противоположны и полярны, и соединение их в одном лице рождает взрыв, молниюддействие. Но обычно их стараются обезопасить, соединить в устойчивой химической комбинации в виде политической теории или партийной программы: целлулоид, приготовляемый из нитроглицерина! Отсюда ненависть к идеологиям, отличающая носителей молний, создававших великие государственные сплавы – Цезарей и Македонских. Из всех, выдвинутых революцией и являющихся, в большинстве случаев, микробами разложения, я только в Вас вижу настоящего “литейщика”, действенное и молниеносное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей» – это из письма М. Волошина к своему другу Борису Савинкову. Скажете, слишком? Нет, для Волошина – это нормально. Потому как гипербореец Волошин не просто революционер, а гиперреволюционер – то есть гиперборейский революционер. Он, вместе с такими же «литейщиками», обнажает свой энтузиазм и презрение до его религиозного ядра в таком Откровении:

Мир знает не одно, а два грехопаденья: грехопаденье ангелов и человека.
Но человек спасён Голгофой. Сатана же спасенья ждёт во тьме. И Сатана спасётся.
То, что для человека сотворил Христос, то каждый человек свершит для Дьявола.
В мире дело идёт не о спасеньи Человека, а о спасеньи Дьявола. Любите. Верьте.
Любите Дьявола. Одной любовью спасётся мир, а этот мир есть плоть Страдающего Сатаны.
Христос распят на теле Сатаны.
Крест – Сатана.
Воистину вам говорю: покамест последняя частица земного вещества
Не станет вновь чистейшим из сияний, «Я» Человека не сойдёт с Креста...
Зло – вещество. Любовь – огонь.
Любовь сжигает вещество: отсюда гарь и смрад.

Грех страден, потому что в нём огонь Любви.
Где нет Греха, там торжествует Дьявол.
И голод, и ненависть – не отрицанье, а первые ступени Любви.
Тех, кто хотят спастись, укрывшись от греха,
Тех, кто не горят огнём и холодом,
Тех излюблю из уст Моих!

«Демонический» волошинский «Северо-Восток» очень напоминает по духу «1919» Уильяма Йейтса, где восстанием руководит Роберт – инкуб, совративший леди Алису.

Безумный Макс звал Россию «к топору». Зачем? А что, неужто надо было сохранять дворянство, погрязшее в либерализме и слезливой Достоевщине? Купечество, продавшее себя «еврейской ласковости».

А разжиревшие попы, подменившие духовно-освободительную миссию православия административно-церковной цензурой? Слабовольный царь-император, который, вместо заботы о благе страны и населяющих её народов, пропустил в свою семью «чёрного колдуна» Григория Распутина, «забыв» обо всём остальном. И весь императорский двор (а следом и Россия) мгновенно превратились в сатанинский вертеп. И что, это сохранять? Ни за что:

Народу русскому: Я скорбный ангел мщенья!
.....
Я напишу: «Завет мой – Справедливость!»
И враг прочтёт: «Пощады больше нет!»
Убийству я придал манящую красоту,
И в душу мстителя вопьётся страстный бред,
Меч справедливости, карающий и мстящий,
Отдам во власть толпе...
И он в руках слепца
Сверкнёт стремительный, как молния разящий,
Им сын зарежет мать, а дочь убьёт отца...

Одновременно поэт обличал и осуждал тех, для кого революция была лишь сменой разных режимов:

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы – мертвецы заклёпанных гробов!
Вы – суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы, –
Вы мыслите разрушить динамитом
Всё то, что прорастает изнутри –
Из вас самих с неудержимой силой!
Я призываю вас...
.....
К прыжку из человечества –
К последнему безумью –
К пересозданию самого себя.

И вот поэтому, как и подобает гению, остался в одиночестве. Но в этом «одиночестве» его одновременно печатали и белые и красные газеты, а потом так же обоюдно запрещали. В этом плане характерен такой эпизод: общеизвестно, что Волошин в своём коктебельском доме прятал попеременно

красных и белых. Это зависело от того, кто хозяйничал тогда в Крыму. И всё получалось, но однажды случился «прокол». Спасшийся таким образом от врангелевской контрразведки «бедный Ося» (Осип Мандельштам) вскоре настучал в ГПУ на Волошина, считая его «белым». «Благодарного» Осю, свои же, терпели недолго и сослали в Сибирь, а «изумительно-великолепную» горбатую хромоножку Черубину с её «эпатажами» закинули куда-то в Среднюю Азию, в ссылку, – и там она благополучно-

навсегда кончилась. Адская политическая машина в своей логике неизменна: действует в темноте, сзади и наоборот, а потом ещё и кусает себя за хвост:

Они пройдут – расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, уставший от свободы,
Возропшет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и острог,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдёт молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол...

(М. Волошин)

«В России революция была исконнейшим из прав самодержавья. Как ныне, в свой черёд, утверждено самодержавье правом революций...» (М. Волошин, 1924 г.)

В таких прозрениях единомышленников почти не бывает.

И потому он, М. А. Волошин, оставался вариться в своём соку, в своём котле, в своей судьбе:

Один среди враждебных ратей
Не их, не ваш, не свой, ничей.
Я – голос внутренних ключей;
Я – семя будущих зачатий.

Современники были поражены невероятной глубиной постижения русского бунта, предельно противоречивой русской народной стихии, которую Поэт продемонстрировал в цикле «Пути России». Тонкий эстет и изошрённый ученик «парнасцев», любящих строгую форму, вдруг заговорил языком «Неопалимой купины», «Руси гулящей» и «Стенькина суда». Язык этот одновременно лихо-варварский, ироничный и средневеково-священный, язык мистического патриотизма, который для понимания настоящей русской истории даёт гораздо больше, нежели занудства всяких Карамзиных со своим идиотизмом-норманизмом. Прошло каких-нибудь пятьдесят лет от Волошина, и вся эта норманистская школа сама в себе задохнулась от своей собственной тошноты.

Манерно-жеманные завсегдатаи петербургско-парижских салонов вместе с ряженными под «сыромятно-лапотников» крестьянские поэты не в состоянии были воспринять этот язык. Услышать его могут только русские гиперборейцы.

Вот «волошинское благословение»:

Из избранных тебя избрал я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук...
Твои молитвы в сердце я храню:
Попросишь мира – дам тебе резню.
.....
Раздашь богатства? – Станешь всех бедней,
Ожидовеешь в жадности своей.
.....
Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты лучшая! Пощады лучшим нет!

В едином горне, за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз.
А из тебя, сожжённый мой народ,
Я ныне новый выплавляю род!

Умно-образованные современники и литературоведы говорят: «Это невозможно!» – и засыпают отныне и навсегда, потому что этот русский «новый род» уже пришёл. Он уже дожигает собой труху вчерашних компатриотов и сегодняшних дерьмократов, а их дети – не просто дети, – это дети Индиго. Политика этого «нового рода» – это не Госплан, а Искусство. А искусство ни у кого не спрашивает, как жить, оно «работает» по своим, только ему ведомым законам. Неслыханная свистопляска русской разбойничьей вольницы всегда тяготеет своей глубиной к жесточайшему порядку в империи. И вот тут «новому роду» для этих целей М. Волошин даёт, для руководства, кристально ясную формулу: «В деле розыска внутренней крамолы гражданская война глубоко и пронизательно связывает политическую неблагонадёжность с вопросом расового происхождения, превращая, таким образом, дело политического сыска в национальный очистительный обряд».

Это было написано в 1920 году. Вся цивилизованная Европа (учёные, поэты, брүнеты, эстеты и политики) от этого брезгливо поморщилась. Мол, ну это уже чересчур. Но прошло каких-нибудь 10–15 лет (!) и та же цивилизованная Европа, со своими поэтами, эстетами, брүнетами, учёными и политиками, свою расовую теорию и дело политического сыска довела до такого кроваво-пепельного уровня «фюрерпринципа в Германенорденене», что «учение Волошина» стало, по сравнению с ними, как дыхание младенца. Мир тут же «мягко» забыл прозрения Великого Поэта, а сейчас начинает вспоминать, когда опять стало «припекать». Видно, непростой он, этот коктебельский отшельник-пророк! А всё дело в том, уважаемые господа, что эти «расовые отморозки», опошлившие гиперборейскую, арийскую идею, принадлежат совсем к другой духовной «партии», о которой Волошин писал как о своём политическом кредо: «Я примкнул к политической партии, которая возникнет лет через пятьдесят и будет составлять крайнюю левую в том парламенте, где анархисты станут консервативным большинством». Так что нужно внимательнее изучать наследие.

Сильней размах! Отжившую планету
Швыряйте бомбой в звёздные миры.
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадётся мёрзлая земля?

Ну а это уже за пределами для современников М. Волошина, для некоторых из нас, ныне живущих, также. Видно, очень спешил Поэт высказаться, боялся не успеть, чувствуя свой уход... Но вспомните слова К. Э. Циолковского, который говорил о бесконечно растущем населении нашей планеты как о закономерном космическом процессе. И это чётко доказал в своих трудах великий Владимир Иванович Вернадский, создавший учение о ноосфере. Константин Эдуардович Циолковский так и не достучался до «сердец и умов» Академии Наук, где «заседает князь Дундук», и умер в нищете и безвестности. Это теперь, через много лет после смерти, с ним носятся, называя «великим учёным планеты Земля».

Космических законов это не отменит, а они **Н Е У М О Л И М Ы**.

Рано или поздно люди перенаселят планету и она не сможет всех прокормить, да и сама наша Земля не вечна. В чём здесь провидение Высших Сил? А в том, чтобы заставить людей переселяться на другие планеты, а возможно это только вследствие колоссального напряжения всех интеллектуальных и духовных сил чуть ли не каждого жителя Земли, особенно правящих элит. Безоговорочного прекращения всех междоусобных войн и политических конфликтов. Наши создатели и космические учителя, по отношению к своему «ленивому, нелюбопытному и хитровато-жадновато-завистливому двуногому существу», проявляют недюжинные усилия, чтобы заставить интересоваться всеми этими вопросами.

В сегодняшней России если кто-то посчитает себя «гиперборейцем», но не будет знать первого русского из них, обречён открывать свой мир через заскорузло-архаичных, с тяжёлыми психическими комплексами, богемствующих маргиналов. Они иногда собираются в коктебельских кафе «Богема» и напиваются там до поросычьего визга.

Жаркая русская Гиперборея (Киммерия) стремится к своему цветению не так, а через героизм и страсть «нового рода» – «бежать не зла, а только угасанья».

И вот красуется на виду всего Коктебеля, на восточной оконечности Берегового Хребта Кара-Дага (в Синих Скалах) 300-метровый профиль Поэта, образовавшийся в 1911 году действием природных стихий нашей родной Земли. И вот уже более столетия как самые разные люди этого «по-европейски модного курорта» смотрят на этот лик, размышляют, жарко спорят. Некоторые «умно-образованные поэты, брюнеты и эстеты» утверждают, что знают, в чём тут дело: живая земля приняла самого истога из своих певцов, увековечив в себе и подав миру об этом знак. А наша официальная ортодоксальная наука сохраняет по этому поводу гробовое молчание. Обычное дело – чего не понимаю, того не вижу, не хочу видеть. А ведь действительно, это редчайший случай во всей обозримой Истории такого тесного слияния между землёй и живущим на ней художником. И никакая это не случайность! Утверждения типа «случайный», «случайность» – это упорная и далеко не всегда честная попытка человека отмахнуться, отвернуться, сбросить с себя ответственность в духовном труде делать усилия напряжения своего интеллекта (прямая обязанность того, кто сам себя горделиво нарѣк Homo sapiens):

Близ Солнца, на одной из маленьких планет,
Двуногий зверь живѣт не крупного сложенья.
Живѣт сравнительно немного лет,
И думает... что он – Венец Творенья!

Вот так вот, наши далѣкие предки были мудрее. Это очень старая, всеми забытая народная песня, из фольклора антов. Тех самых, из-за которых будущая столица будущей Византийской империи была названа – Византиум (по-латыни), то есть «вижу антов», а сама эпоха стала именоваться АНТИЧНОЙ, которую называют образцом в мировой культуре, пытаются подражать, возрождать (пресловутая эпоха европейского Возрождения) и, прежде всего, связывают с деяниями «древних греков». Не правда ли, странно, а почему же весь этот «древнегреческий мир» с его действительно великими достижениями назван совершенно чужим для греков именем АНТЫ. Превосходно известно, как «цивилизованные» греки относились ко всем этим народам – презрительно всех сразу обзывали варварами, признавая их годными только в качестве рабов, и это, пожалуй, единственное культурное «достижение» греко-римских цивилизаторов в отношении этих народов. Что-то здесь не так, не правда ли? И это также не случайность. Это ещё не знаемая нами закономерность. Вот для чего нам нужны Волошины и подобные им, пусть их и мало, к сожалению. Поэтические воззрения «волошиных» на Историю дают гораздо больше, чем иные.

Как начиналась Цивилизация? Что говорит нам об этом официальная Наука?

Вопрос трудный, но только не для Великого Поэта, не зря же его так называют. Вот как он изобрел это самое начало (эпоха Прометея, обретение Огня):

С тех пор как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага, пещера стала
Храмом, трапеза – таинством,
Домашний обиход – богослуженьем,
Огнище – алтарѣм.
И человечество питалось и плодилось
Пред оком грозного взыскующего Бога,
А в очаге отстаивались сплавы
(из серебра, из золота, из бронзы):
Гражданский Строй, Религия, Семья.

Это даже не стихи, а больше похоже на изречения Оракула.

Маленькие дети, гуляя по коктебельской набережной со своими родителями (дети – это ещё не испорченные взрослые), ещё не знакомые с Максимилианом Волошиным, по мере знакомства, узнают безошибочно его профиль в Синей скале Кара-Дага.

Это чисто природное деяние стихий Земли, а Природа – наша всеобщая Мать – никогда не ошибается. Не ошибался и Поэт своим творчеством:

Мой стих звучит в волнах прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль Мой!

А дальше «страсти роковые, и от судеб спасенья нет»...